

А. Тертерян

**В старой Москве. Как
хозяйничали купцы и
фабриканты**

Материалы и документы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 908
ББК 28.89
А11

А. Тертерян
А11 В старой Москве. Как хозяйничали купцы и фабриканты: Материалы и документы / А. Тертерян – М.: Книга по Требованию, 2014. – 340 с.

ISBN 978-5-458-27609-2

Эта книга о старой, дореволюционной Москве. Здесь собраны документальные сведения о повседневном быте и нравах капиталистического города, десятилетиями утопавшего в грязи, не спеша ездившего на допотопных извозчиках, с наступлением сумерок погружавшегося в полумрак керосиновых фонарей. Перед читателем пройдет живописная галерея бездарных и нечистых на руку градоначальников и градоправителей купеческой Москвы. Здесь убедительным языком документов рассказано, как праздно и разгульно жили буржуазные тунеядцы разных рангов и масштабов и какое безрадостное существование владели цинично и беспощадно эксплуатируемые ими рабочие и трудящиеся Москвы. Градоправители держали Москву на положении «большой деревни». Резкие протесты трудящегося населения против антисанитарных условий, в которых они вынуждены были жить, оставались гласом вопиющего в пустыне. Московские тузы, купцы, домовладельцы, кабатчики меньше всего считались с нуждами населения. Они думали и заботились только о своих барышах.

ISBN 978-5-458-27609-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

талистической Москвы, их варварское отношение к городу и его жителям.

Газетные вырезки — не основное содержание этой книги. Здесь даны и отрывки из воспоминаний старых москвичей. Здесь представлены официальные и архивные документы: приказы, распоряжения, статистические сводки, а также протоколы городской думы, в которых зафиксированы речи и резолюции московских «отцов города», убедительно рисующие неприглядный облик старой Москвы и ее правителей.

* * *

Старинные ампирные дворцы московских бар, пятиэтажные комоды доходных домов, деревянные домишки, купеческие декадентские особняки, одноэтажные флигели, церкви и часовни, загромождавшие проезжие улицы, — все это было своеобразным архитектурным стилем старой Москвы — заштатной столицы, «большой деревни», как полуофициально именовали город.

Московские газеты жаловались на эту «архитектурную нелепицу».

Купец снимает для своего дела этаж и придает фасаду этого дома желательный ему характер. Другой купец, снявший этаж выше или ниже, делает то же самое. И даже при постройке дома купеческой управой архитектора заставляли считаться с желаниями с'емщика отдельных этажей.

Церковь Параскевы-Пятницы стояла посреди Охотного ряда, оживленнейшего перекрестка Москвы, затрудняя уличное движение. По другую сторону находились пропахшие гнилой рыбой и кишашие крысами торговые ряды. Наискось стояла часовня, принадлежавшая благотворительному «обществу поощрения трудолюбия». Она обслуживала охотнорядское купечество. Ревнителю трудолюбия выбрали это бойкое место потому, что оно обеспечивало хороший доход. Городская дума пробовала возражать против загромождения улицы, но «благотворители» победили. Поодаль виднелись Иверские ворота, оставлявшие для проезда на Красную площадь две мышиные норы. Изъявленные, вшивые и заросшие волосами странники сидели и лежали у входа в часовню.

Иногда икона Иверской божьей матери путешествовала в карете через всю Москву. Ее везли к богатой московской купчихе, которой не помогли разродиться знаменитые акушерки. Черная стража — монахи — сопровождала выезжавшую на гастроли икону.

Параскевы-Пятницы, Спасы у золотой решетки, Спасы на курьих ножках, Спасы на Болванах, Николы Мокрые, десятки мужских и женских монастырей, церковные подворья обслуживались армией черного и белого духовенства — тунеядцев и пропойц. Стоимость земельных участков, принадлежавших церковникам, по самой скромной оценке равнялась примерно 50 миллионам рублей. Епархиальные средства достигали 42 миллионов рублей.

Теперь в перестроенных церквях разместились клубы.

* * *

В своей объяснительной записке к генеральному плану реконструкции Москвы Московский комитет партии и Московский совет дали следующую характеристику до-революционным московским порядкам:

«Хозяева капиталистической Москвы не могли привести ее в элементарный порядок, приспособить город к новым экономическим условиям... Вплоть до самой Октябрьской революции Москва, по общему признанию, оставалась «большой деревней». В этом сказались особенности отсталого капиталистического развития крепостнической России. Московская буржуазия по существу никогда и не ставила перед собой задачи перестройки Москвы. Городская дума в руках самой богатой верхушки буржуазии в течение десятилетий была лишь орудием эксплуатации трудящихся, прикрывая самые скандальные, мошеннические проделки домовладельцев и предпринимателей. Особенно яркие следы дикой, хищнической эксплуатации трудящихся носило жилищное строительство. Все отрасли городского хозяйства, прозябали, оставаясь крайне неразвитыми, — грязные, кривые и тесные улицы, варварская булыга и незамощенные окраины, водоснабжение и канализация в центре и антисанитарные рабочие окраины и т. д.

Трудящиеся Москвы в самой острой форме вынуждены были испытывать на себе результаты хозяйничанья варварского, отсталого российского капитализма. Старые хозяева Москвы не сумели создать современного городского хозяйства...»

В этой книге можно найти яркие иллюстрации к характеристике этих старых порядков.

В тех же материалах Московского комитета партии и Моссовета мы читаем:

«Исключительные антисанитарные условия, в которых жили трудящиеся города, привлекали к себе внимание буржуазной думы только во время довольно частых вспышек эпидемий холеры, тифа, чумы. Однако, собственники страшных трущоб, где прозябала половина москвичей, получали миллионные прибыли от этих владений. Поэтому обычно дело кончалось ничем — эпидемии утихали, трущобы оставались. Вопрос о постройке двух городских ночлежных домов и о ликвидации частных ночлежек на Хитровом рынке обсуждался с 1864 до 1914 г., но так и не был разрешен буржуазной Москвой из-за противодействия заинтересованных домовладельцев».

Старая Москва славилась своими узкими и кривыми улицами, улочками и переулками.

Вопрос о расширении и выпрямлении узких и кривых улиц серьезно не ставился, да и не мог быть разрешен в тех условиях.

Попытки к отчуждению даже небольших участков частной земли наталкивались на бешеную спекуляцию домовладельцев и крайне длительную судебную волокиту.

Когда, например, для расширения Кузнецкого переулка (нынешнего Кузнецкого моста) понадобилось срезать угол одной усадьбы, ее владелец потребовал 100 тысяч рублей за 54 квадратных сажени земли, огородил этот клочек земли железной решеткой и засадил его чахлой растительностью. Потребовались целые годы судебной волокиты, чтобы произвести принудительное отчуждение части участка, причем владельцу все-таки было заплачено около 50 тысяч рублей.

Разбирая дела городской управы, утопаешь в ворохах бесплодной канцелярской переписки, касающейся

асфальтирования какого-нибудь незначительного клочка мостовой:

«Городская управа составила доклад о приведении всей Сухаревской площади в благоустроенный вид. Ввиду того, что на асфальтирование средней части площади потребуется еще 62 тысячи рублей, управа предлагает думе воздержаться от приведения в благоустроенный вид всей Сухаревской площади, впредь до более благоприятного времени».

Это «благоприятное время» наступило только в нашу эпоху.

Летом москвичи задыхались от пыли, тучами подымавшейся с булыжной мостовой. Осенью московскую грязь месили 20 тысяч извозчиков. Чтобы не забрызгать грязью штiblеты, щеголи нанимали извозчиков, переправлявших их через улицу на противоположный тротуар. Такую картину можно было видеть и в центре, на Неглинной и на Кузнецком мосту.

Средняя ширина московских улиц составляла всего 5 саженей, т. е. 10 метров. Ширина одних только тротуаров для пешеходов на новых магистралях Москвы теперь превышает среднюю ширину улиц старой Москвы. При реконструкции одного только Садового кольца было асфальтировано более 103 тысяч квадратных метров мостовой. Это составило больше половины площади всей асфальтированной мостовой в дореволюционной Москве. Сейчас усовершенствованных мостовых в Москве в 27 раз больше, чем их было до революции.

Серьезной проблемой для приезжего человека было разобраться в путанице переулков, тупиков, проездов.

Существовало 15 Александровских улиц, 14 Безымянных переулков, 11 Никольских переулков, 9 Лесных, 9 Банных, 4 Алексеевские улицы. Об упразднении неудобной «одноименности» улиц и переулков в городской думе говорили целыми десятилетиями, но все оставалось попрежнему.

Новый Москворецкий водопровод был построен только через 16 лет после того, как городская управа впервые занялась обсуждением этого вопроса.

24 года понадобилось купеческо-буржуазной думе для создания в Москве некоего подобия канализации,

На московских улицах вечером царил полумрак. Двадцать тысяч фонарей освещали город. Из них — девять тысяч керосиновых коптилок.

Сейчас Москву освещает более сорока тысяч электрических фонарей.

«Смертность в Москве, — писал «Голос Москвы» в апреле 1910 г., — выразилась в 42 936 случаях. Коэффициент смертности по сравнению с прошлым годом поднялся на 23,3 процента».

Далее следовало мало успокоительное объяснение, что смертность в Москве в 1910 г. появилась главным образом за счет детских заразных болезней. Из общего числа умерших детей исключались те, кто погиб на грандиозной «фабрике ангелов» — в воспитательном доме: сюда дети доставлялись из деревень и давали громадный процент смертности.

На знаменитом Хитровом рынке, рассаднике холеры, являвшейся частой московской гостьей, четыре ночлежных дома: Степанова, Кулакова, Румянцева и Орлова, принадлежали генералам, тайным советникам и денежным тузам.

С 1864 г. делались попытки упразднить Хитровку. Каждый раз, когда в Москве вспыхивали эпидемии холеры, начинались разговоры о том, что хорошо было бы уничтожить Хитровку; созывались совещания и вырабатывались планы образцовых ночлежных домов. Летом 1917 г., при Временном правительстве, Хитровка все еще сохранялась во всей своей красе. Ужасающие московские трущобы Хитрова рынка исчезли бесследно только после Октябрьской революции.

Язвой столицы была проституция.

В труде доктора В. П. Скорова «Возвращение к честному труду падших девушек» подробно рассказано о том, как рекрутировались кадры московской проституции.

«Достаточно будет сказать, что с одной только Морозовской мануфактуры увезено в течение трех лет торговцами живым товаром 50 молодых и красивых девушек. Эти торговцы предпринимают путешествия по большим фабрично-заводским центрам...».

Газета «Раннее утро» сообщала, что количество проституирующих в Москве женщин, судя по регистрацион-

ным данным домов терпимости, определяется в 15—20 тысяч.

«Общественная инициатива» в деле возвращения к честному труду «падших девушек» ограничилась тем, что на квартире градоначальника 14 апреля 1910 г. состоялось учредительное собрание возникающего в Москве отдела «Российского общества борьбы с вовлечением женщин в разврат». Эти «апостолы морали» даже и не помышляли о самомалейшем нарушении «законных» прав публичных домов, существовавших на совершенно официальных началах и всемерно поощрявшихся.

И с этой язвой покончила навсегда Москва революционная.

В дореволюционных справочниках и путеводителях по Москве можно найти хвалебные статьи, посвященные благотворительной деятельности тароватого московского купечества. Городская управа в своих заседаниях не раз благодарит щедрых москвичей, не оставляющих вниманием богоугодные заведения. Как издевательски звучат отмеченные в стенографических отчетах думы перечисления этих пожертвований:

«От неизвестных — 7 рублей деньгами, чай, сахар и икона божьей матери с подсвечником и кружкой».

«От Н. И. Гучкова — 4 деревянных рамки с металлическими сетками на сумму 26 рублей».

(Нужно добавить, что Н. И. Гучков был председателем Московской городской думы).

* * *

Градоправители держали Москву на положении «большой деревни». Резкие протесты трудящегося населения против антисанитарных условий, в которых они вынуждены были жить, оставались гласом вопиющего в пустыне. Московские тузы, купцы, домовладельцы, кабатчики меньше всего считались с нуждами населения. Они думали и заботились только о своих барышах.

Все, о чем читатель прочтет в этой книге, теперь кажется далеким. Пришел новый хозяин. Большевики переделали и продолжают переделывать город. Обозревая новую красавицу-Москву, Москву советскую, социалисти-

ческую, с трудом веришь, что вот здесь, на этой улице, на этой площади, совсем недавно были свалки, грязные ночлежки, болота и домишки-«недоскребы», как называли их московские остряки.

Старая, дворянско-купеческая Москва — это был город купеческого разгула, поповского мракобесия, жестокой эксплуатации рабочих и трудящихся.

Большевики превратили Москву в прекрасную столицу нашей социалистической родины. Москва стала знаменем великой стройки социализма, лозунгом, зовущим на борьбу против капитализма.

НАЧАЛЬНИКИ И „ОТЦЫ ГОРОДА“

БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ

Старая Москва была большой неблагоустроенной деревней.

Шли годы, проходили десятилетия.

Масляные коптилки, освещавшие московские улицы, уступили место керосиновым фонарям, зажегся газ и вспыхнули электрические лампочки. Старая Москва, как казалось иным современникам, принимала «почти что европейское обличье», но оставалась она все тем же большим захолустьем, глухим и сонным.

В Москве тихо, как в сундуке. На улицах ездят извозчики, в домах играют на фортепианах, в редакциях скрипят перьями... В воскресенье на Сретенке одна баба выпустила из рук купленного на Трубе зайца: весь народ и все собаки, бывшие на улице, в полном своем составе, погнались за зайцем, учинили шумную ловлю, но... и это не произвело шума... Театральные кассиры спят, декораторы играют в шашки, репортеры зевают вплоть до самого вывиха нижней челюсти. Кругом сон, бред, почесыванье...

(Журнал «Будильник» № 9 за 1884 г.)

Москвич шестидесятих годов без особого восхищения описывает и внешний облик второй российской столицы.

В непосредственной близости от исторической Красной площади помещалась Толкучка, Толкучий рынок.

Между Никольскими и Ильинскими воротами вся внутренняя сторона Китайской стены в два ряда застроена маленькими лавочками, в которых торгуют всякой всячиной. Это торговое место в Москве занимает очень тесную улицу и называется Толкучим рынком, в народном прозвании площадкой. Тут еще и поныне не вышли из употребления и процветают слова: сначить, тянутое, клево, чево, стуканцы, журик, лачо и тому подобные выражения площадных офеней...

(«Русские ведомости» от 31 марта 1864 г.)

Приблизительно та же картина наблюдалась на Новой и Старой площадях.

На «Новой» площади торговали большей частью меховыми товарами, остатками ситца, браком суконных товаров в таких же лавочках, прижатых к Китайгородской стене, вплоть до самых Варварских ворот, около которых на башне висела чтимая москвичами икона «Боголюбской божьей матери».

На «Старой» площади был развал — толкучка; сюда каждый день с раннего утра сходились скупщики разного старья и разных домашних вещей — старьевщики, которые ходили по дворам, выкрикивая «старого-старья продавать».

(И. А. Белоусов, Ушедшая Москва.)

Даже центр Москвы — Красная площадь — являл собой мерзость запустения.

...На Красной площади, напротив грандиозного здания рядов, с момента наступления снежного времени происходит нечто невообразимое.

На середину площади из разных мест города свозятся сотни возов снега.

Для уничтожения его возведены две громадные снеготаялки.

И вот с утра до позднего вечера Красная площадь положительно окутана смрадным дымом от тающего снега и горящих дров в топках снеготаялок...

(«Московский листок» от 8 февраля 1913 г.)

Вот некоторые подробности, рисующие состояние Китайгородской стены.

...Вполне желательно на площади с'естного рынка устроить общественный писсуар, а то арки Китайской стены начинают сильно страдать от неразборчивой рыночной публики, тем более, что пологой земли около Китайской стены ничем не замощена...

(«Известия Московской городской думы» № 6 за 1892 г.)

Так было в центре Москвы. Заглянем на окраины:

На всем протяжении Большой Серпуховской улицы расположены постоянные дворы. Большинство владельцев этих дворов поражается улицей, как своим сараем, если не хуже. Вся улица с обеих сторон заставлена телегами, не дающими проезду...

(«Русские ведомости» от 23 мая 1864 г.)

Не в лучшем положении находилось Ямское поле — ныне ул. «Правды», улица, где сейчас выстроены здания замечательного комбината «Правда».

В сущности это нельзя даже назвать окраиной, потому что речь идет о «Ямской слободке», или, как еще называют эту местность, о «Ямском поле»...

...По обеим сторонам — деревянные домишки. Тротуаров нет. Кое-где положены узкие дощечки. Улица широкая, но совершенно немощеная...

(«Московский листок» от 20 октября 1912 г.)

Бутырская застава, Нижняя и Верхняя Масловки, — все окраинные улицы Москвы походили друг на друга...

На окраине Москвы, у Бутырской заставы, есть обширная и густо заселенная местность — Бутырский проезд...

...Помнится, на одном из предвыборных собраний одним из wyborщиков говорилось, что в дождливую осень и ранней весной грязь в этом проезде настолько велика, что покойников приходится переносить через заборы, минуя улицу.

Управа, наконец, вняла воплям обывателей этой местности и, прежде всего, переименовала Бутырский проезд в Нижнюю и Верхнюю Масловки.

Вместо прежних полустертых дощечек появились новые, эмалированные, с названиями улиц, и... дальше этого «благоустройство» проезда не пошло...

Узкая полоса проезда по правую сторону (для езды) находится в таком невозможном состоянии, что туда решается ездить только один водовоз, который и берет с обывателей по 5 копеек за ведро...

(«Русское слово» от 25 июня 1909 г.)

Какой была 1-я Мещанская (теперь одна из благоустроенных магистралей Москвы) четверть века назад?

1-я Мещанская улица является магистралью для большого района 1-й и 3-й Мещанских и отчасти 3-й Сущевской частей города с населением, по данным последней переписи, около 120 тысяч человек, что составляет $\frac{1}{14}$ часть всего населения Москвы...

...В этом уголке города на сравнительно небольшой территории население живет ужасно густо в невозможных гигиенических условиях.